

150861
62.3(4Г)

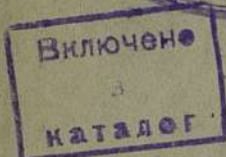
Б.351 Бебель А.

Из моей жизни

Ч. 1

М: 1910

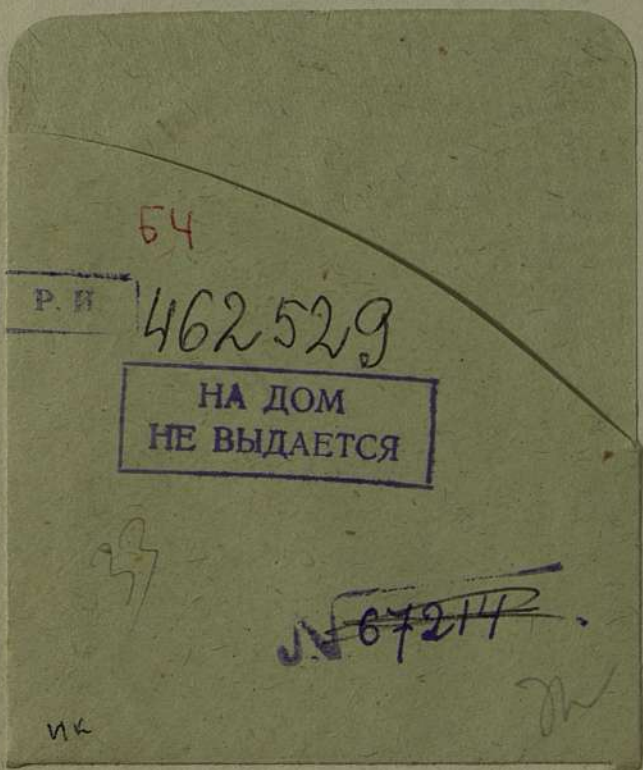
Б4

Handwritten signature

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

4

23

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(МЕМОАРЫ).

Переводъ съ рукописи подъ редакціей
Н. Рязанова.

Издание Н. Н. Клочкова.

Цѣна 1 р. 20 коп.

МОСКВА.
1910.

Изданія Н. Н. Ключкова.

Имѣются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги:

- А. Бебель. Изъ моей жизни. Перев. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Ц. 1 р. 20 к.
- Э. Берштейнъ. Философія исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго прив.-доц. А. А. Рождественскаго. Ц. 40 к.
- Л. Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Перев. съ французск. прив.-доц. А. С. Яценко, съ предисловіемъ проф. А. С. Алексеева. Ц. 50 к.
- Г. Еллинекъ. Адамъ въ ученіи о государствѣ (Библейское преданіе и политическія теоріи). Переводъ съ нѣмец. С. М. Роговина. Ц. 20 к.
- Г. Еллинекъ. Парламентъ и правительство въ Германіи. Съ пред. пр.-доц. А. А. Рождественскаго. Ц. 35 к.
- Н. Макиавелли. Князь. Переводъ съ итальянскаго С. М. Роговина. Ц. 60 к.
- Ж. Малантъ. Очеркъ социологіи. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисл. проф. А. С. Яценко. Ц. 85 к.
- Р. Шельвингъ. Максъ Штирнеръ и Фридрихъ Ницше. Перев. съ нѣм. Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина. Ц. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Г. Еллинекъ. Соціально-этическое значеніе права, неправды и наказанія. Съ предисл. Н. Н. Новгородцева.
- Н. Натюрль. Философія, какъ основа педагогики. Съ предисловіемъ Г. Г. Шпетта.
- Спиноза. Политическій трактатъ.

Складъ изданій для Москвы: книжный магазинъ
А. А. Карцева, Моховая, 20.

Складъ изданій для С.П.Б. Книжный магазинъ „Право“
Владимірскій, 19.

24281. Августъ Бебель.

9(43)2/мемуары/
Б 351.

ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.*

Переводъ съ рукописи подъ редакціей
Н. Рязанова.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

24281
Б

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

Издание Н. Н. Ключкова.

462529

МОСКВА.
1910.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

Проведена 1936 г.

Июль 1934 г. Проверено

ИЮЛ 1939

90

68
2000
2007

МОСКВА.

Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковский пер., д. Т—ва, № 9.

1910

МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желаніе моихъ товарищей по партіи, чтобы я написалъ свои воспоминанія, совпадаетъ съ моимъ собственнымъ. Если благоприятныя обстоятельства дозволили кому-нибудь, какъ напримѣръ мнѣ, занять вліятельное положеніе, то общественное мнѣніе имѣетъ право познакомиться съ тѣми условіями, которыя привели его къ этому.

Но имѣется еще одна причина, которая побуждаетъ меня писать воспоминанія о своей жизни. О моей дѣятельности часто составлялись невѣрные сужденія, меня еще чаще осыпали ложными обвиненіями, и мнѣ хочется показать, насколько они основательны и сколько заключается въ нихъ правды.

Вотъ почему главными требованіями, которыя можно предъявить къ такимъ воспоминаніямъ, являются откровенность и правдивость. Иначе не имѣло бы никакого смысла сообщать свѣдѣнія о своей жизни. Читатель моихъ воспоминаній — на чьей бы сторонѣ онъ ни стоялъ или къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ — не сможетъ упрекнуть меня, что я что-нибудь затушевалъ или прикрасилъ. Я рассказывалъ правду и въ тѣхъ случаяхъ, когда многіе, быть-можетъ, подумаютъ, что было бы лучше, если бы я умолчалъ о ней. Я не раздѣляю этого взгляда. Нѣтъ человека, который бы не ошибался, и зачастую именно признаніе въ ошибкахъ болѣе всего интересуетъ читателя и даетъ ему возможность составить себѣ правильное сужденіе.

Разъ я поставилъ себѣ цѣлью писать только правду, то я не могъ положиться на свою память. По отношенію къ событіямъ далекихъ прошлыхъ лѣтъ память часто измѣняетъ, и даже событія, глубоко запечатлѣвшіяся въ ней, въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, подъ вліяніемъ различныхъ внушеній, принимаютъ совершенно другую форму. Я сдѣлалъ это наблюденіе не только надъ самимъ собой, но и надъ многими другими. Такъ часто мнѣ въ кругу

знакомыхъ приходилось разсказывать о событіяхъ минувшихъ годовъ, и между тѣмъ позже, при просмотрѣ писемъ, писанныхъ подъ ихъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, оказывалось, что событія совершались далеко не такъ, какъ мнѣ казалось. Я, поэтому, пришелъ къ убѣжденію: ни одинъ судья не долженъ приводить къ присягѣ свидѣтеля, который долженъ дать показаніе относительно событія, имѣвшаго мѣсто нѣсколько лѣтъ назадъ. Рискъ нарушенія присяги слишкомъ великъ въ такихъ случаяхъ.

Поэтому, чтобы провѣрить точность приводимыхъ мною данныхъ или вѣрность передачи моихъ взглядовъ, какими они были въ данное время, я, по возможности, справлялся со всякими письмами, замѣтками, статьями и т. д.

Но въ моей жизни были также періоды, когда опасно было сохранять письма, если я не хотѣлъ стать невольнымъ доносчикомъ—на себя или на другихъ. Въ особенности приходится сказать это о періодѣ господства закона противъ социалистовъ, когда я ежечасно рисковалъ подвергнуться домашнему или личному обыску — все равно, нужно ли было полиціи собрать матеріалъ для процесса противъ меня или другихъ. Въ теченіе долгаго времени полиція и прокуроры считали меня опаснымъ человѣкомъ, которому нельзя ни на шагъ довѣрять. Быть-можетъ, не безъ основанія. Но именно въ силу этихъ причинъ я не могъ вести дневникъ.

Въ настоящемъ томѣ я сообщаю матеріалы о противосоциалистическихъ рабочихъ союзахъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, матеріалы, которые до сихъ поръ были только частью извѣстны. Послѣ того, какъ въ октябрѣ прошлаго года умеръ въ Франкфуртѣ на Майнѣ Л. Зоннеманъ, я остался единственнымъ человѣкомъ, который пережилъ это время и сохранилъ матеріалы, относящіеся къ этому періоду.

Я надѣялся, что мнѣ удастся довести свои воспоминанія до болѣе поздняго періода. Но болѣзнь, которая меня уже почти два года дѣлаетъ неспособнымъ къ напряженной умственной работѣ, помѣшала этому. И если только мнѣ позволить мое здоровье, то за этой первой частью скоро послѣдуетъ вторая, а, можетъ-быть, и третья.

Августъ Бебель.

Шенебергъ-Берлинъ

Новый годъ 1910.

Дѣтство и отрочество.

Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о характерѣ и индивидуальности даннаго человѣка, необходимо знать исторію его дѣтства и отрочества. Человѣкъ является на свѣтъ со многими наклонностями и чертами характера, развитіе которыхъ въ очень значительной степени зависитъ отъ окружающихъ его условій. Воспитаніе, примѣръ и вліяніе окружающихъ могутъ эти наклонности и черты развить, задержать или совсѣмъ подавить. И уже только отъ условій дальнѣйшей жизни, а чаще всего отъ энергіи данной личности зависитъ, въ какой степени одерживаютъ верхъ ошибочное воспитаніе или подавленные наклонности. Въ большинствѣ случаевъ приходится выдержать тяжелую борьбу съ самимъ собою, такъ какъ впечатлѣнія, получаемыя человѣкомъ въ юношескіе и отроческіе годы, сильнѣе всего вліяютъ на все его мышленіе и нравственность.

Какія бы метаморфозы не совершались съ нимъ въ дальнѣйшей жизни подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій, все же впечатлѣнія юности продолжаютъ вліять—въ дурномъ или въ хорошемъ направленіи—и, зачастую, опредѣляютъ всю его будущую дѣятельность.

Что касается меня, то я долженъ признать, что воспоминанія и впечатлѣнія дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ имѣли надо мною слишкомъ часто такую власть, что мнѣ стоило большихъ усилій бороться съ ними, а совсѣмъ освободиться отъ нихъ мнѣ не удалось и до сихъ поръ.

Каждый человѣкъ долженъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь родиться.

Мнѣ это счастье выпало на долю 22 февраля 1840 года. Въ этотъ день я впервые узрѣлъ свѣтъ въ казармѣ въ Дейцъ-Кельнѣ.

Отцомъ моимъ былъ Іоганнъ Готлибъ Бебель, унтеръ-офицеръ 3 роты 25 пѣхотнаго полка, матерью моею была Вильгельмина

Юганна, урожденная Симонъ. Въ моемъ метрическомъ свидѣтельствѣ городомъ, гдѣ я родился, указывается не Дейцъ, тогда бывшій самостоятельной общиной, а Кельнъ. Случилось это, вѣроятно, потому, что гарнизонъ Дейца составлялъ часть гарнизона Кельнской крѣпости и вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ къ одному церковному приходу.

„Свѣтъ Божій“, на который я смотрѣлъ послѣ своего рожденія, былъ тусклый свѣтъ оловянной масляной лампы, скудно освѣщавшей сѣрыя стѣны большой казарменной комнаты, которая въ одно и то же время служила спальней и столовой, гостиной, кухней и кладовой. По словамъ моей матери, я явился на свѣтъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пробилъ девятый вечерній часъ. Въ извѣстной степени это—„историческій моментъ“—такъ какъ въ это время во дворѣ предъ казармой горнисть трубилъ вечернюю зорю, которая, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила для солдатъ сигналомъ, что они могутъ идти на покой.

Люди, пророчески настроенные, могли бы видѣть въ этомъ фактѣ указаніе на мое будущее оппозиціонное отношеніе къ существующему государственному порядку. Ибо, строго говоря, это было вѣдь нарушеніемъ военнаго порядка, что я, сынъ прусскаго унтеръ-офицера, оглашалъ крикомъ стѣны королевской казармы въ ту самую минуту—а я уже при рожденіи, говорятъ, обладалъ сильнымъ голосомъ—когда отданъ былъ приказъ отдыхать.

Но тѣ, которые сдѣлали бы такое заключеніе, ошиблись бы. Много еще времени потребовалось послѣ, пока я сбросилъ съ себя узы тѣхъ предразсудковъ, которые опутали меня въ дѣтствѣ въ казармѣ и пока я освободился отъ впечатлѣній, полученныхъ въ юношескіе годы.

Я считаю нелишнимъ—это является необходимымъ для того, чтобы понять мою дальнѣйшую судьбу—разсказать теперь же кое-что о моемъ отцѣ и матери. Отецъ мой, сынъ бочарнаго мастера Юганна Бебеля, родился въ Островѣ, въ провинціи Познани. Наиболѣе вѣрнымъ я считаю предположеніе, что Бебели переселились изъ юго-западной Германіи (Вюртембергъ) на востокъ приблизительно въ эпоху реформаціи. Я могъ установить, что уже въ 1625 году одинъ изъ Бебелей жилъ въ Крейцбургѣ (въ Силезіи). Но до сихъ поръ фамилія эта всего болѣе распространена въ юго-западной Германіи. Со времени реформаціи фамилія Бебель встрѣчается уже среди общественныхъ дѣятелей. Я могу указать на автора „Facetiae“, гуманиста Генриха Бебеля, который былъ профессоромъ въ Тюбин-

генѣ и умеръ въ 1518 году. Извѣстенъ еще далѣе типографшикъ Іоганнъ Бебель въ Базелѣ, который издалъ въ 1518 году Утопію Томаса Мора. Въ 1669 году жилъ въ Страсбургѣ профессоръ Бальтазаръ Бебель, а въ 1792 г. въ Нагольдѣ, въ Вюртембергѣ, докторъ медицины Фридрихъ Вильгельмъ Бебель. На югѣ Германіи фамилія Бебель встрѣчается еще въ искаженномъ правописаніи Böbel. То обстоятельство, что отецъ мой съ востока перекочевалъ на западъ, объясняется тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ-близнецомъ, Августомъ, служилъ въ Познанскомъ, кажется 12-мъ, пѣхотномъ полку. Когда, въ 1830 году, въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, прусское правительство нашло цѣлесообразнымъ удалить изъ провинціи познанскіе полки. Вотъ почему полкъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ, какъ часть прусскаго союзнаго гарнизона, переведенъ въ тогдашнюю союзную крѣпость Майнцъ. Именно благодаря этому обстоятельству отецъ и мать познакомились другъ съ другомъ.

Мать моя происходила изъ сравнительно зажиточной мелкобуржуазной семьи, давно осѣвшей въ Вецлярѣ, который, во время оно, былъ вольнымъ имперскимъ городомъ. Отецъ ея занимался сельскимъ хозяйствомъ и хлѣбопекарнымъ промысломъ. Семья его была многочисленна, и мать моя, по примѣру дочерей другихъ вецларскихъ семей, уѣхала въ Франкфуртъ-на-Майнъ, гдѣ нашла себѣ мѣсто прислуги. Изъ Франкфурта она переселилась въ сосѣдній Майнцъ, гдѣ и познакомилась съ моимъ отцомъ. Когда послѣ полкъ былъ отправленъ обратно въ провинцію Познань, отецъ мой, считаясь съ желаніемъ своей невѣсты, а можетъ быть и потому, что ему Рейнская провинція нравилась больше, чѣмъ родина, перешелъ изъ этого полка въ стоявшій въ Дейцъ-Кельнѣ 25 пѣхотный полкъ. Его братъ Августъ послѣдовалъ его примѣру и перешелъ въ 40 пѣхотный полкъ, принадлежавшій къ гарнизону Майнца.

Семья прусскаго унтеръ-офицера жила тогда въ очень жалкихъ условіяхъ. Жалованье было болѣе чѣмъ ничтожно. Въ Пруссіи тогда вообще въ чиновномъ и военномъ мірѣ нужда была частымъ гостемъ, и во славу Бога, короля и отечества приходилось очень часто голодать. Мать моя получила разрѣшеніе открыть мелкую лавочку. Иначе говоря, она имѣла право продавать солдатамъ гарнизона разныя вещи и продукты. Эта торговля производилась все въ той же единственной нашей комнатѣ. И сейчасъ еще я живо представляю себѣ ее, какъ она вечеромъ, при свѣтѣ масляной лампочки, наполняетъ горячимъ картофелемъ глиняныя солдатскія чашки. Каждая порція стоила шесть прусскихъ пфениговъ.

Намъ, дѣтямъ — въ апрѣлѣ 1841 года родился мой первый братъ, лѣтомъ 1842 — второй — жизнь въ казематѣ доставляла много радостей. Мы бѣгали свободно по всѣмъ комнатамъ, насъ ласкали и баловали унтеръ-офицеры. Когда же солдаты уходили на упражненія и комнаты пустѣли, я забирался въ одну изъ нихъ, бралъ гитару унтеръ-офицера Винтермана, который былъ нашимъ крестнымъ отцомъ, и до тѣхъ поръ занимался музыкальными упражненіями, пока не оставалось ни одной цѣлой струны. Чтобы дать моимъ необузданнымъ музыкальнымъ наклонностямъ соответствующее направленіе и избавить себя отъ ихъ дурныхъ послѣдствій, мой крестный смастерилъ мнѣ изъ доски гитарообразный инструментъ и придѣлалъ къ нему кишечныя струны. И съ этимъ инструментомъ я, въ обществѣ своего брата, послѣ просиживалъ часами у воротъ одного дома на главной улицѣ города и терзалъ немилосердно струны. Мои музыкальныя упражненія такъ «восхищали» дочерей жившаго напротивъ драгунскаго ротмистра, что онѣ угощали насъ пирожнымъ и конфектами. Конечно, музыкальныя упражненія нисколько не отвлекали насъ отъ военныхъ экзерцицій. Вѣдь вся окружающая обстановка побуждала насъ къ этому; атмосфера была буквально пропитана военнымъ духомъ. Вотъ почему, сейчасъ же послѣ того, какъ я получилъ свои первые брюки и шюртучекъ, — они, конечно, были сшиты изъ старой военной шинели отца, — я, снабженный соответствующей амуницией, становился рядомъ или позади солдатъ, которые на площади передъ казематомъ продѣлывали свои упражненія, и подражалъ ихъ движеніямъ. Позднѣе мать часто съ большимъ юморомъ рассказывала, что я въ совершенствѣ умѣлъ производить равненіе направо или налѣво, упражненіе, которое многимъ солдатамъ стоитъ большихъ усилій и что командовавшій офицеръ или унтеръ ставилъ меня при этомъ въ примѣръ солдатамъ.

Но отецъ мой смотрѣлъ на солдатскую жизнь другими глазами, чѣмъ его сынъ. Правда, вмѣстѣ со своимъ братомъ, онъ, какъ намъ послѣ часто рассказывала мать, былъ въ высшей степени добросовѣстный, пунктуальный и бравый служака, что называется, примѣрный солдатъ, но онъ уже вынесъ къ тому времени двѣнадцать лѣтъ военной службы; солдатская жизнь, какъ говорится, надоѣла ему по самое горло. Бездушная и мелочная дисциплина господствовала тогда еще въ большей степени, чѣмъ теперь. Шагистика, муштровка и парадоманія справляли тогда свои оргіи. А отецъ мой былъ настроенъ очень оппозиціонно — Рейнская провинція представляла тогда благопріятную почву для развитія духа оппозиціи и независимости — и не разъ возвращался

онъ въ нашу тѣсную комнату съ фронтового ученія возбѣшенный и съ проклятіями на устахъ. Когда въ 1840 г. при Людовикѣ Филиппѣ и его министрѣ Тьерѣ грозила вспыхнуть война между Франціей и Пруссіей, онъ однажды вернулся домой въ страшномъ возбужденіи—къ нему, по его мнѣнію, черезчуръ придирался какой-то молокососъ офицеръ—и сказалъ матери: „Если будетъ война“, то первая пуля, которую я выпущу, будетъ предназначена прусскому офицеру“. Выраженіе „прусскій офицеръ“ въ устахъ прусскаго унтеръ-офицера должно казаться страннымъ, но оно, однако, просто объясняется. Населеніе прусской Рейнской провинціи тогда, да и долго спустя, каждаго офицера и чиновника называло просто „пруссакомъ“,—жители Рейнской провинціи еще не чувствовали себя пруссаками. Если молодой человѣкъ долженъ былъ пойти въ солдаты, то о немъ говорили: онъ долженъ стать пруссакомъ (Preusse, или на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій „Prüss“). При томъ употреблялось еще очень часто одно крѣпкое слово. И еще весной 1869 года, когда я, вмѣстѣ съ Либкнехтомъ, былъ по одному дѣлу въ Эльберфельдѣ, я слышалъ, какъ въ ресторанѣ той гостиницы, въ которой мы остановились, одинъ по-сѣтитель, увидѣвъ проходящаго офицера, сказалъ своему сосѣду: „Что нужно здѣсь этому прусскому офицеру?“ Эльберфельдъ тогда, какъ и въ настоящее время, не имѣлъ гарнизона.

Эти понятія привились, очевидно, также моему отцу. Когда онъ, послѣ пятнадцатилѣтней службы, тяжело больной, и видя предъ собой смерть и нужду своей семьи, лежалъ въ 1843/44 году въ военномъ госпиталѣ, онъ усиленно настаивалъ и просилъ мать нашу—не отдавать насъ, мальчиковъ, послѣ его смерти, въ военный сиротскій домъ, потому что съ этимъ было связано обязательство служить послѣ въ арміи 9 лѣтъ. Одна мысль, что нужда все же заставитъ мать сдѣлать это, выводила его изъ себя, и онъ въ изступленіи кричалъ: если ты это сдѣлаешь, то я убью мальчиковъ предъ фронтомъ. Въ своемъ возбужденіи онъ забывалъ, что къ тому времени его уже не будетъ въ живыхъ.

Весною 1843 года для отца, казалось, насталъ, наконецъ, желанный день освобожденія отъ солдатской службы. Ему предложена была должность пограничнаго надсмотрщика, которой онъ уже давно добивался. Онъ съ радостью принялъ предложенное ему мѣсто, и вся наша семья переселилась въ Герцогенградъ, что на бельгійской границѣ. Желѣзной дороги въ этой мѣстности тогда еще не было. Приходилось тащиться пѣшкомъ, и только часть дороги мы совершили на возу, на которомъ уложены были наши пожитки и мебель. Но не долго пришлось намъ прожить

въ новой мѣстности. Отецъ мой не успѣлъ кончить трехмѣсячное испытаніе, которое онъ долженъ былъ продѣлать до окончательнаго пріема на новую службу. Во время своихъ ночныхъ дежурствъ онъ схватилъ сильную простуду и заболѣлъ. Мать моя называла болѣзнь мышечнымъ воспаленіемъ. Вѣроятно, это былъ острый сочленовный ревматизмъ, къ которому скоро присоединилась чахотка. Такъ какъ отецъ не успѣлъ окончить срока испытанія, то онъ продолжалъ считаться на военной службѣ. Поэтому пришлось, несмотря на его тяжелую болѣзнь, снова переѣхать—тѣмъ же путемъ и способомъ—обратно въ Кельнъ. Для моей матери это было очень тяжелое время. Когда мы прибыли въ Кельнъ, отца помѣстили въ военный госпиталь, а намъ снова отвели комнату въ казематѣ, на этотъ разъ внизу. Отецъ проболѣлъ тринадцать мѣсяцевъ и умеръ на тридцать пятомъ году своей жизни, не оставивъ моей матери даже права на какую нибудь пенсію. Вскорѣ послѣ смерти отца мы должны были оставить казематъ, и мать вынуждена была бы теперь переѣхать на свою родину въ Вецларъ, если бы братъ моего отца, Августъ Бебель, не принялъ участія въ нашей судьбѣ. Чтобы лучше выполнить эту обязанность, онъ, осенью 1844 года, женился на моей матери.

Отчимъ мой, вслѣдствіе полной инвалидности, былъ еще въ 1841 году уволенъ отъ службы въ 40 пѣхотномъ полку, съ ежемѣсячной пенсіей въ два талера. Причиной инвалидности была потеря голоса вслѣдствіе воспаленія гортани, которое позже тоже развилось въ чахотку. По уходѣ изъ полка, онъ два года служилъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ въ Майнцкомъ военномъ госпиталѣ, затѣмъ временно занималъ должность надзирателя въ окружномъ исправительномъ домѣ въ Браувейлерѣ около Кельна. Его мечтой было получить службу на почтѣ. Но почтовое дѣло находилось еще тогда въ застоѣ. Получить какое нибудь мѣсто можно было только тогда, когда занимавшій его уходилъ въ отставку или умиралъ. Для почтовой службы того времени является довольно характернымъ тотъ фактъ, что когда отчимъ, лѣтомъ 1844 года, писалъ своему брату въ Островъ, чтобы получить нужныя ему бумаги для вступленія въ бракъ, то онъ на конвертѣ, который случайно находится въ моихъ рукахъ, отмѣтилъ: „отправитель просить сейчасъ же отдать письмо“. Повидимому, переписка по почтѣ была тогда рѣдкимъ явленіемъ и письма къ тому же доставлялись очень медленно. Когда послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, въ октябрѣ 1846 года, отчиму, наконецъ, предложена была желанная служба почтальона, онъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ.

Позднимъ лѣтомъ 1844 года мы перекочевали въ Браувейлеръ. Служба въ окружномъ исправительномъ домѣ требовала отъ моего отчима большого труда. Къ тому же онъ былъ еще смотрителемъ тюрьмы, которая была тамъ устроена для провинившихся обитателей рабочаго дома. За каждый проступокъ ихъ подвергали тюремному заключенію. Исправительный домъ состоялъ изъ цѣлаго ряда зданій и дворовъ и включалъ также огородъ. Со всѣхъ сторонъ его окружала высокая стѣна. Мужчины, женщины и подростки были отдѣлены другъ отъ друга. Чтобы попасть въ арестный домъ, гдѣ находилась и наша квартира, нужно было пройти нѣсколько дворовъ, которые соединялись тяжелыми, всегда запертыми, воротами. Такимъ образомъ, арестный домъ былъ изолированъ отъ всякаго общенія съ окружающимъ человѣческимъ міромъ.

Каждый вечеръ, съ наступленіемъ сумерекъ, вылетали десятки совъ разной величины и кружили надъ зданіемъ; своимъ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ онѣ нагоняли на насъ ужасъ и страхъ. Ихъ мѣстопробываніемъ служила колокольня ближайшей церкви. Да и вообще жизнь въ этомъ домѣ не только для насъ, дѣтей, но и для родителей, была не изъ веселыхъ. Служба моего отчима, начинавшаяся въ 5 часовъ утра и продолжавшаяся до поздняго вечера, была утомительна и доставляла ему много хлопотъ и непріятностей. Съ заключенными обращались тогда очень жестоко. Не одинъ разъ былъ я свидѣтелемъ того, какъ молодые и старые люди, получившіе высшую мѣру наказанія, подвергались слѣдующей гнусной процедурѣ. Наказанный долженъ былъ лечь на полу камеры внизъ животомъ. На руки и ноги ему одѣвали кандалы. Затѣмъ лѣвую руку чрезъ спину прикрѣпляли къ правой ногѣ, а правую руку къ лѣвой ногѣ. Но и этого было еще мало: его, кромѣ того, обворачивали скрученной въ видѣ веревки простыней кругомъ рукъ и груди и, туго затянувъ, завязывали узелъ на спинѣ. Въ такомъ видѣ связанный, точно живой клубокъ, наказанный арестантъ долженъ былъ пролежать два часа. Затѣмъ оковы съ него снимались и послѣ нѣкотораго отдыха повторялась та же самая процедура. Крики и стоны наказываемыхъ разносились по всему зданію и, понятно, на насъ, дѣтей, производили самое ужасное впечатлѣніе.

Въ Браувейлерѣ я уже съ осени 1844 г. началъ посѣщать сельскую школу, хотя мнѣ было всего четыре съ половиною года. Поэтому, я былъ принятъ въ качествѣ „вольноопредѣляющагося“. Когда мы возвращались изъ школы домой, мы должны были про-

ходить чрезъ ворота, которыя обыкновенно открывались часовымъ. Помню, какъ въ одинъ прекрасный день мы просто оцѣпенѣли отъ изумленія, когда часовой открылъ ворота, и мы увидѣли, что на его головѣ, вмѣсто обыкновеннаго кивера, красуется блестящая, очень высокая каска. Въ сравненіи съ современными, первыя каски имѣли чудовищные размѣры и были необыкновенно тяжелы. Мы только тогда очнулись отъ изумленія и пришли въ себя, когда часовой крикнулъ намъ: ну, мальцы, проходите, не то я запру ворота предъ самымъ вашимъ носомъ!“

Для насъ, дѣтей, жизнь въ этомъ исправительномъ учрежденіи была довольно однообразна,—почти вся она проходила внутри стѣнъ, одной его части. Къ тому же отецъ нашъ, всегда бывшій строгимъ человѣкомъ, становился все раздражительнѣе тѣмъ болѣе, что поводовъ для раздраженія было очень много. Кромѣ того, его раздражительность еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе все сильнѣе развивавшейся чахотки. Вмѣстѣ съ матерью мы изъ за этого не мало страдали. Не разъ приходилось ей вступаться за насъ, когда отчимъ, чѣмъ нибудь разсерженный, нещадно колотилъ насъ. И если побои являются вѣнцомъ педагогической премудрости, то я долженъ былъ бы сдѣлаться идеальнымъ человѣкомъ. Но кто осмѣлится это утверждать?

Но, съ другой стороны, отецъ всѣми силами старался о нашемъ благополучіи, ибо, несмотря на свою раздражительность, онъ былъ очень добрымъ человѣкомъ. Если онъ могъ, напримѣръ, на Рождество, Новый годъ или Пасху, доставить намъ какое-нибудь удовольствіе, то онъ дѣлалъ это очень охотно, насколько, конечно, позволяли ему его ограниченныя средства. А они были очень скромны. Кромѣ казенной квартиры (двѣ комнаты), освѣщенія и отопленія, отецъ получалъ въ мѣсяцъ едва восемь талеровъ жалованья. На эту сумму должно было кормиться пять человѣкъ, а когда мой самый младшій братъ, удивительно красивый мальчикъ и любимецъ отца, умеръ лѣтомъ 1845 года,—все же четыре человѣка.

Болѣзнь моего отца между тѣмъ быстро развивалась. Уже 19 октября 1846 г., чрезъ два года послѣ своей женитьбы, отецъ мой умеръ. Такимъ образомъ, мать моя, въ теченіе трехъ лѣтъ, во второй разъ стала вдовой, и мы снова остались сиротами. И послѣ второго брака мать не имѣла никакого права на помощь со стороны государства. Ей не оставалось ничего другого, какъ перекочевать на свою родину, въ Вецларъ. Въ началѣ ноября снова всѣ наши пожитки были уложены на возу—мебельныхъ вагоновъ тогда, конечно, еще не было—и мы направились въ